
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

УДК 821.161.01.0

DOI: 10.31249/lit/2026.02.11

ЛИХВАРЬ А.В.¹ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС» И ПОЭЗИЯ ПРИКАЗНОЙ ШКОЛЫ[©]

Аннотация. В статье сопоставляются литературно-стилистические черты древнерусского «плетения словес» и поэзии авторов, принадлежащих к приказной школе стихотворства. Корпус текстов, отнесенных исследователями к произведениям данного круга поэтов, проверяется на соответствие характерным признакам древнерусского стиля. Результаты сопоставления показывают, что существуют как эстетические, так и историко-литературные основания говорить о сознательном использовании поэтами приказной школы некоторых черт стиля «плетения словес».

Ключевые слова: русская поэзия XVII в.; виршевая поэзия; досиллабическая поэзия; приказная школа; древнерусская литература; плетение словес.

Для цитирования: Лихварь А.В. «Плетение словес» и поэзия приказной школы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2026. – № 2. – С. 172–187. – DOI: 10.31249/lit/2026.02.11

Поступила: 18.10.2025

Принята к печати: 03.03.2026

LIKHVAR A.V.² “Word weaving” and the poetry of the Prikaz school[©]

¹ **Лихварь Александр Владимирович** – магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия), кафедра истории русской литературы филологического факультета. ORCID: 0009-0007-2705-9714; alex_likhvar@mail.ru

© Лихварь А.В., 2026

² **Likhvar Aleksandr Vladimirovich** – master’s degree student, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), Department of History of Russian Literature (Faculty of Philology). ORCID: 0009-0007-2705-9714; alex_likhvar@mail.ru

© Likhvar A.V., 2026

Abstract. The article compares the literary stylistic features of Old Russian “word weaving” and the poetry of authors belonging to the Prikaz school of poetry. The corpus of texts attributed by scholars to this circle of poets is examined for compliance with the characteristic features of the Old Russian style. The results of the comparison show that it is possible to speak of the intentional use of certain features of this style by the poets of the Prikaz school from both aesthetic and literary-historical points of view.

Keywords: seventeenth-century Russian poetry; “verse poetry” (Russia); presyllabic poetry; prikaz school; Old Russian literature; word weaving.

To cite this article: Likhvar, Aleksandr V. “‘Word weaving’ and poetry of the Prikaz school”, Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 2, 2026, pp. 172–187. DOI: 10.31249/lit/2026.02.11 (In Russian)

Received: 18.10.2025

Accepted: 03.03.2026

Вопрос о степени и значении влияния древнерусской литературной традиции на зародившуюся русскую поэзию XVII в. всё еще не является окончательно проясненным. В частности, не слишком широко в науке представлены взаимосвязи так называемой досиллабической поэзии XVII в. и древнерусской литературы, хотя существование этих связей представляется самоочевидным. Досиллабическая поэзия является первым примером устойчивого собственно поэтического – в том смысле, в каком поэзия понимается в культуре Нового времени – творчества в русской культуре, и в целом она считается значительно менее подверженной инокультурному влиянию, чем более поздняя силлабическая поэтическая традиция. В то же время ее появление выглядит резким отрывом от предшествующей ей книжной и письменной культуры, и рассматривается она в основном в связи с общеевропейской эстетикой барокко [Кузнецова, 2015, с. 33, 62].

Хотя такая оптика правомерна, было бы преждевременно считать ее исчерпывающей. Отсутствие заметной полемики о стихосложении до второй половины XVII в. (к этому времени относятся полемические по своим установкам сочинения Евфимия Чудовского) явно показывает, что новые формы словесности не воспринимались обитателями России раннего Нового времени как нечто совершенно культурно чуждое и непривычное – в противном случае это, несомненно, породило бы серьезные конфликты,

так как русское общество XVII в. с большим подозрением относилось ко всему иноземному как к потенциальному проводнику еретических влияний. Вопрос, благодаря каким же связям с собственными русскими, привычными культурными формами досиллабическая поэзия проходила эту бдительную проверку на чужеродность, напрашивается сам собой.

Полное решение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи. Нами же были рассмотрены лишь некоторые аспекты литературно-стилистических¹ пересечений между древнерусской литературой и наиболее ярким и хорошо изученным подмножеством ранней поэзии XVII в. – «приказной школой».

Ведя речь о приказной школе, следует учитывать, что круг входящих в нее поэтов на данный момент окончательно не определен. Существует два разных подхода к этому вопросу: один из них восходит к А.М. Панченко [Панченко, 1973], второй – к В.К. Былинину и А.А. Илюшину [Виршневая поэзия ... , 1989]. Различие между ними в том, что для А.М. Панченко ключевую роль играют исторические связи поэтов – подтвержденные либо реконструируемые – в то время как В.К. Былинин и А.А. Илюшин ориентируются на поэтику текстов.

Хотя для анализа стилистических параллелей второй подход кажется более удобным, следует учитывать, что он приводит к включению в состав школы авторов, крайне различающихся по своему положению, общественным и литературным позициям, кругу чтения, что затрудняет точное определение факторов, повлиявших на стиль письма того или иного стихотворца. Подход А.М. Панченко, для которого ключевым является существование обладающего корпоративным самосознанием «духовного союза» с общим языком и сферой общественно-литературной деятельности (т.е. Книжной справой) [Панченко, 1973, с. 55] представляется в этом отношении более перспективным. Поэтому мы будем ориентироваться в первую очередь на выделяемый им авторский состав.

В то же время стоит принять во внимание, что «в концепциях большинства исследователей, занимавшихся изучением приказной школы, существует некоторое поле, в которое попадают авторы, близкие приказным» [Кузнецова, 2015, с. 18]. Этот подход характерен и для самого А.М. Панченко. Именно в это «поле вли-

¹ Под стилем мы понимаем «эстетическое единство всех сторон и элементов художественной формы, обладающее определённой оригинальностью и выражающее содержание» [Крошнева, 2020, с. 8].

ания» мы отнесем поэтов, причисленных к приказной школе в концепции В.К. Былинкина и А.А. Илюшина, обращая внимание и на их произведения, когда в этом будет необходимость.

Что же касается древнерусской литературы, то для сопоставительного анализа нами был выбран стиль «плетения словес». Характеристика этой манеры как стиля является наиболее заметной и устоявшейся, выделяясь еще в XIX в. (у Ключевского, в частности, см.: [Ключевский, 1871, с. 93]). В этом аспекте она была внимательно изучена Д.С. Лихачевым (начиная с [Лихачев, 1960]), который привлек к ней значительное внимание и положил начало многочисленным дискуссиям о ее особенностях и истоках. Именно эта манера, как показано в работах С. Матхаузеровой [Матхаузерова, 1976б; Матхаузерова, 1976а], сохраняет свою актуальность и в XVII в., оказывая непосредственное влияние на «заочную» литературную дискуссию Евфимия Чудовского и Симеона Полоцкого.

Благодаря этим особенностям своего существования в древнерусской книжной и современной научной парадигмах стиль «плетения словес» представляется наиболее удобным «оптическим прибором» для рассмотрения литературной стилистики ранней поэзии XVII в. и ее связей с древнерусской литературой.

Хотя «древнеславянский стиль “плетения словес” традиционно рассматривается в рамках риторической прозы» [Петрова, 2007, с. 56], в нем можно отметить немало сторон, скорее соответствующих поэтическому искусству. Уже то, что «ритмическая организация была одним из признаков плетеных текстов» [Матхаузерова, 1976а, с. 87], наводит на мысли об их стихотворной природе.

Литературные источники, которые сформировали «плетение словес» как отдельное и целостное направление, еще не определены окончательно, однако те из них, которые привлекают внимание исследователей, как правило, являются поэтическими. Так, традиционно принято считать, что этот стиль возникает в южнославянской книжности XIV в.: между тем выражение «плетение словес» там является не только метафорой искусной риторической похвалы, но и употребляется в церковной поэзии как самохарактеристика [Петрова, 2007, с. 54].

В.Д. Петрова, следуя аргументации целого ряда исследователей, доказывающих независимость стиля преподобного Епифания Премудрого от образцов Тырновской школы, связывает его формирование с прямым влиянием византийско-славянской гим-

нографии [Петрова, 2007]: стоит отметить, что, хотя «византийцы сами называли свои гимны прозой», греческие гимнографы многократно именовались поэтами, певцами и мелодами – причиной иного названия самого их творчества, вероятно, был новый тип его ритмической организации, не имевший соответствия в поэзии античной древности [Матхаузерова, 1976а, с. 60].

Таким образом, греческие гимны были поэзией, и, хотя в славянских переводах они передавались как «высокопоэтическая проза» [Петрова, 2007, с. 57], и книжник-переводчик, и читатели или слушатели текста могли сохранять представление об изначальной поэтичности текста и воспринимать его как поэзию. Характерна связь слов «плетение» и «пение» в славянской гимнографии [Петрова, 2009, с. 317].

Особо следует отметить мнение Е.М. Верещагина, возводящего стиль Епифания и, соответственно, в целом «плетения словес» к части книг Ветхого Завета, относящихся к так наз. «литературе премудрости» [Верещагин, 2014]. Характерно, что именно «премудростные» книги по способу организации текста очень часто причисляются к стихотворным, поэтическим¹.

Некоторые исследователи, в частности С.В. Жиляков, предлагают отнести к стилю «плетения словес» произведения еще домонгольского периода древнерусской литературы, тем самым значительно изменяя представления о его истоках [Жиляков, 2019]. Однако и в этом случае предположительные источники генезиса стиля являются поэтическими: это фольклорная традиция [Жиляков, 2019, с. 72] (определенным подкреплением этому мнению может служить признаваемая связь «плетения словес» с русским плетеным орнаментом – см. [Матхаузерова, 1976а, с. 86]), а также предвозрожденческие литературные движения, а именно – итало-византийская поэзия и «сладостный новый стиль» [Жиляков, 2019, с. 76].

Следует обратить внимание и на мнение авторов XVI–XVII вв., для которых понятия «плетение» и «тканье» в отношении слов однозначно обозначают связь с поэзией. Преподобный Максим Грек говорит о «плетении», имея в виду организацию богослужебного канона [Матхаузерова, 1976а, с. 95], а также создание акростиha, при этом проводя характерное различие между

¹ См., например: Поэзия в Библии // Фома: академия [эл. ресурс]. – URL: <https://rutube.ru/video/020ecd9cbaa87c99b2abc8465f19f0bc/> (дата обращения: 02.03.2026).

церковной и светской (в первую очередь – языческой) поэзией, употребляя в отношении первой понятие «плести» или «ткати», а для последней применяя слово «слагати» [Матхаузерова, 1976а].

То же различие усваивает Евфимий Чудовский, резко противопоставляющий сложение силлабических стихов плетению церковных канонов – и, что важно, понимающий те и другие как поэзию, находя возможным именно в качестве поэтических произведений сопоставлять их по достоинству [Матхаузерова, 1976б].

Можно сделать вывод, что, рассматривая «плетение словес» как способ поэтической организации текста, мы, по крайней мере, не будем противоречить мнению современников тех авторов, которые использовали этот стиль. Однако подобное понимание «плетения словес» предполагает, что оно должно оказать достаточно широкое влияние на поэтическую культуру XVII в, в котором, собственно, и родилась русская книжная поэзия [Панченко, 1973, с. 26].

Несмотря на указанное выше противопоставление «плетения» церковной поэзии «слаганию» светских, в том числе силлабических, стихотворений, следует отметить, что наиболее резко разделяющий их Евфимий Чудовский сам писал силлабические стихи [Матхаузерова, 1976б, с. 196]. Возможно, его строгая критика была связана именно с попыткой Симеона Полоцкого переложить силлабическими рифмами библейские псалмы.

Само по себе обострение литературных конфликтов могло быть связано с нарастанием напряжения между партиями «грекофилов» и «латинствующих», весьма широкого и включающего общественные и религиозные разногласия. Поэтому предпочтительнее было бы обратиться к той части книжного стихотворчества, которая сформировалась еще до развития этого конфликта, на которой менее отразилось различие двух литературных течений и более – их общая принадлежность собственно поэзии.

Приказная школа наиболее перспективна с этой точки зрения. Значительно повлиявшая на следующее поэтическое поколение, представителем которого был Евфимий Чудовский [Матхаузерова, 1976а, с. 62], она сложилась еще до обострения литературных конфликтов. Центром ее были московские приказы: официальный же письменный московский язык сближался с торжественной книжной нормой XIV–XV вв., в связи с чем XVI–XVII вв. тоже считаются связанными со вторым южнославянским влиянием [Попов, 2021, с. 123–125]. В творчестве представителей школы можно найти влияние и фольклора, и духовной словесно-

сти, и премудростной литературы (например, в посланиях иноков Феоктиста и Лариона), как раз сближаемых исследователями с «плетением словес».

Примечательно, что для поэтов приказной школы наиболее среди стихотворцев XVII в. характерно употребление в отношении своего творчества понятий «слагати» и «плести» [Кузнецова, 2015, с. 30]. Однако они не делают между ними того различия, которое было так важно для Евфимия Чудовского, и применяют к своим стихам оба этих глагола. Так, в стихотворениях справщика Савватия мы встречаем применительно к сложенным виршам и выражение «плести» (в «Послании архиерею, взыскующему мудрости»):

И ныне, убозии, елико возмогохом,
толико, нищии, и соплетохом,
и твоей честности предложихом;
аще и вкратце счинихом...

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 177], –

и выражение «слагати» (например, в «Послании Алексею Саввичу):

Аще и нелепо, и невитейно сложено,
обаче о любви ведено.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 164]

Существует точка зрения, согласно которой слово «плетение» использовалось сугубо в самоуничижительном контексте, так как в него часто вкладывалось значение лукавого умысла [Кузнецова, 2015, с. 30]. Однако, как можно видеть выше, слово «слагати» также могло быть употреблено либо в самоуничижительном контексте, либо для обозначения недостойности самого поэтического искусства: у Савватия подобные формулы встречаются также в «Послании протопопу Никите Васильевичу» («Аще и сугубством строк сложено, но обаче много трудов и рвения положено») [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 201] и в «Наставлениях ученику князю Михаилу Никитичу» («Аще и двоестрочием слогається, но обаче от того же Божественнаго Писания избирається») [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 207]. Можно найти подобные примеры и у других авторов, в частности, у сына Стефана Горчака в «Послании к матерем»:

Аже двоестрочием или сугубством строк слогається,
и тем паки от таковаго начинання не возбраняється,
но такожде жалость и умиление в сердце ея вложиться.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 143]

В то же время слово «плести» в творчестве приказной школы не обязательно обладает негативной семантикой. В стихотворениях Савватия плетутся венцы о добродетели [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 159], а «вервь триплетенна» символизирует верного друга [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 188].

Можно предположить, что понятия «слагати» и «плести» / «ткати» не различались авторами приказной школы – в противном случае Савватий бы, например, не употреблял слово «слагали» в отношении авторов церковных книг:

...Те слагали и разумевали паки по благодати Святаго Духа...
[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 185]

В контексте противопоставления «слагати» и «ткати» подобное выражение маловероятно, ведь священные сочинения должны бы были быть «сплетены». Стоит отметить, что поэты приказной школы могли свободно использовать цитату из бого-служебного песнопения как строку для стихотворения [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 420].

Таким образом, «сложение» и «плетение» – равноупотребляемые термины по отношению к своему творчеству у авторов приказной школы, что представляется довольно нетипичным по отношению к остальной поэзии XVII в. с ее разделением этих двух концептов – и полностью соответствует нашей задаче.

Отыскивая параллели между стилистикой поэзии XVII в. и стилистикой «плетения словес», мы должны выделить те опорные признаки, по которым можно будет определить некоторую связь между ними. Мы будем ориентироваться на данную в одной из недавних работ о «плетении словес» характеристику этого стиля, в которой выделяются следующие черты:

- 1) *абстрагированность и метафоричность*;
- 2) *словесная ритмическая орнаментальность*, опора на изобразительные средства языка, ритмические и риторические приемы (отвлеченная лексика, синонимы, слова-символы, сложные слова, однокоренные образования, цветистые метафоры и т.д.);
- 3) *иерархическое построение компонентов высказывания*, постепенное нагнетание и последовательное нанизывание однородных элементов речи: определений, сравнений и т.п.;
- 4) *однотипность синтаксических конструкций* [Попов, 2021, с. 44–45].

Пересечения по этим пунктам мы и будем учитывать.

Возможность связывать вирши авторов приказной школы с произведениями древнерусских книжников подтверждают в первую очередь особенности поэтической картины мира этой группы. О.А. Кузнецова говорит о важности для них «сознания своей причастности к особому кругу мудрецов» [Кузнецова, 2015, с. 32]. Виршеписцы ориентировались на ветхозаветную Книгу Притчей [Панченко, 1973, с. 51] и евангельские притчи, которые были глубоко встроены в их стихотворную систему [Кузнецова, 2015, с. 120–126].

Конкретным признаком, обозначавшим принадлежность к этому кругу мудрецов, являлось «остроумие», «быстрый разум», который противопоставлялся не способному «разумети мудрых» медленному уму; это слово обозначало «умение пользоваться своеобразным поэтическим языком, “витейным”, который противопоставляется простому» [Матхаузерова, 1976а, с. 51–52]. Целью использования остроумного языка является не только демонстрация своего мастерства, но и желание «поговорить о чем-то “многумудром”, вечном – и этим усладить своего адресата или настаивать на путь истинный» [Кузнецова, 2015, с. 62].

В этих характеристиках заметно влияние «литературы премудрости», к которой, как отмечалось выше, возводится некоторыми исследователями и стиль «плетения словес». Даже такая черта, как особый круг мудрецов, находит свои параллели в том, что сочинители «премудростной литературы» принадлежали к особому сословию мудрецов-*хахаим*, причем Е.М. Верещагин считает возможным говорить и о том, что прозвище Епифания Премудрого имело связь с этой идентификацией [Верещагин, 2014, с. 241–243, 250]. Однако если степень подобной «корпоративности» у средневековых авторов явно ниже, чем у приказных поэтов, то основанный на индукции и иносказании характерный «особый язык», приводящий к той самой *абстрагированности и метафоричности* стиля, – это то, что их явно роднит.

Проводя параллели между образностью двух групп авторов, следует отметить, что хотя приказная школа сложилась в литературную эпоху барокко и связана с ее образной системой, в ее творчестве барокко еще не нашло законченного воплощения, как в более поздних произведениях Симеона Полоцкого и его круга: «эмблематический, барочный способ осмысления мира <...> еще не был техникой приказных авторов» [Кузнецова, 2015, с. 62]. Их картина действительности выражается, скорее, через использова-

ние различных литературных и языковых приемов, и эта *словесная орнаментальность* нередко напоминает «плетение словес».

Один из наиболее ярких приемов древнерусских книжников – употребление и конструирование сложных слов, служащее цели возвышения текста и придания ему мудрости. Подобные образования свойственны и поэтам приказной школы. Что характерно, помимо устоявшихся слов («благочестивый», «человеколюбие», «милосердный» и под.), ими используются и более редкие лексемы, и собственные неологизмы.

У Михаила Злобина мы встречаем следующие их примеры: змийножными, добродею, доброразсудное, жестосердием, грубумие, доброразумныя («Послание дьяку Василию Львовичу»), суетумных («Ино ко иному о щедротстве») [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 220–227]. Близкий к Книжной справе Агафон Тимофеев в одном лишь небольшом «Послании боярину Борису Ивановичу» употребляет такие слова, как «Богарадно», «благовнимательный», «слезосоставное», «благопослушна», «благоразсудна», «многоплетенным своим грубословием», «бодроопасному» [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 228–229]. Несколько менее характерны (с учетом длины посланий) они для священника Стефана Горчака: доброплодный, крепкоумию, многоразумныя, единовечью, новоросленни, небесоподобныя, троерожные, богословенна и другие [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 119–138]. Они встречаются и у других авторов: справщика Савватия, Петра Самсонова, а также в текстах, связанных с именами Нафанаила и Мартирия.

Причем, если у последнего сравнить, например, послания архиерею или Алексею Саввичу Романчукову и послание Кизолбаю Петровичу, то мы обнаружим заметную градацию: от одного довольно привычного сложного слова (добродеанию) в послании Кизолбаю к четырем куда более оригинальным образованиям в послании архиерею (великоименитому, небесоподобныя, доброразумному, преподобство) и до десятка таковых в послании Романчукову (мудроумный, естествословный, велеумну, благоумный, доброразумный, естествословия, благоплеменитыя, любодружием, речеточством, раторбортвом).

Все три стихотворения достаточно близки по объему, что исключает простое объяснение различным размером посланий – примечательно, что в еще более коротком дружеском «Послании князю Семену Ивановичу»¹ есть четыре сложных слова – «друже-

¹ Тоже поэту, что существенно.

любовство», «любомудрие», «покраегранесие» и «сердоболем», хотя основную часть послания Савватий обещает передать «во второй епистолии». Судя по всему, Савватий воспринимал использование сложных слов как литературный прием, который употреблял в зависимости от статуса собеседника и его литературной образованности [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 155–157, 162–164, 176–178, 191–192]. Это согласуется с отмеченной ранее зависимостью индивидуальной манеры Савватия от цели автора и направленности послания [Кузнецова, 2013, с. 12].

Помимо собственно сложных слов, можно найти у поэтов и примыкающие к ним нетипичные приставочно-суффиксальные образования, как «сфилософьственному» [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 162].

Другой характерный для «плетения словес» прием – парные синтагмы, сочетания однокоренных слов. Они тоже свойственны приказной школе: «ум недоуменный», «умом и разумом», «новосаженный сад», «честному и пречестному», «умное твое разумение», «умной разумности», «доброрасленную отрасль» (Савватий), «священному <...> священнику», «остроумие же и разум», «троерожные страсти рог» (Стефан Горчак) [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 119–128, 162–188].

Если говорить о литературных средствах, метафорике, то образцов их использования можно привести так много, что легче процитировать О.А. Кузнецову, характеризующую «образное уподобление» как один из основных приемов приказной школы [Кузнецова, 2015, с. 33]. О том, что «владение “фигурами” речи для книжников той поры было столь органичным, что без внимания к этому явлению нельзя постичь и смысл читаемого», говорит и Л.С. Ковтун на примере сочинения Прохора Шошина [Ковтун, 1985, с. 228], также отнесенного в некоторых исследованиях к приказной школе [Кузнецова, 2015, с. 16].

Из-за отличий прозаического и стихотворного синтаксиса сопоставить последние два из выделенных нами пунктов несколько сложнее. Однако и в их отношении текстовые системы не лишены пересечений.

Так, *иерархическое построение компонентов высказывания* мы можем обнаружить у таких авторов, как Стефан Горчак, у которого мы встречаем и однородные определения:

Священному и честнейшему и сердечному другу сиречь
священнику...

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 119], –

и сложно построенные предложения с многочисленными причастными оборотами:

Иже иночества свойство добре соблюдающу
И прочими добродетельми душу свою посвещающу,
Незабвенному ума моего николи же
И лежашу у сердца моего всех ближе,
Господину честнейшему иноку Арсению
И всеизящному твоему разумению
Многочрестныи и неключимыи раб...

цит. по: [Кузнецова, 2019, с. 153].

Примеры иерархического синтаксиса легко находятся и у других поэтов. В частности, Петр Самсонов активно использует причастные обороты:

Его же премудрости мнози, жадающе, напаяются,
Доброте же разума его преудивляются,
Отрасль бо корени добраго произшедше,
Родители изряднии еже такового породивше.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 249]

Нередко подобные фрагменты располагаются в начале или конце стихотворения и служат эффектным открытием или закрытием послания, ярко характеризующим адресата – своеобразным титулованием.

Однотипные синтаксические конструкции тоже нередки для приказной школы. Это могут быть два одинаково построенных отдельных предложения:

Аще ли же в пристанище твоего благосердия тихоносно пристану,
славити твоего к нам усердия до конца не престану.
Аще ли же в мори словес и в неких нам страдати случится,
мне же удобно смотряти, да не некое зло впредь приключится.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 245]

Часто это ряды однотипных клауз внутри одного предложения. Так, несколько раз проявляется этот прием у Михаила Злобина в «Послании дьяку Василию Львовичу» [Виршевая поэзия ... , 1989, с. 220–224]. Использует его и Савватий, например, в «О слабом обычае человечеством»:

Яко же божественный апостол глаголет,
яко бы некто перстом во око колет,
яко лутче есть всякому человеку жениться,
нежели похотию яритися.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 174]

Это далеко не единственные варианты: более тонкое использование однотипных конструкций можно увидеть в «Послании Ивану Киприановичу» Петра Самсонова:

Ваше убо, воистинну ваше, еже щадети худость нашу,
наше же убо, вправду наше, еже получитьи милость вашу.

[Виршевая поэзия ... , 1989, с. 250]

Однако перечисление всех существующих стратегий было бы излишеством.

Стилистические пересечения между поэзией приказной школы и манерой «плетения словес» весьма характерны. На то, что это взаимодействие является не случайными совпадениями, а сознательной ориентацией поэтов, указывают как постоянство и многочисленность указанных пересечений, так и особенности их реализации у поэтов, связанные с функциональными аспектами стихотворений.

Стоит обратить внимание и на определенные аспекты организации приказной школы в целом, указывающие на ее взаимодействие с «плетением словес». Основной задачей, над которой работало большинство поэтов приказной школы, была книжная справа. Связь этого проекта с южнославянской книжностью довольно глубока. Сама по себе последовательная деятельность по исправлению языка церковных книг началась именно у южных славян на рубеже XIII и XIV вв., именно с их влиянием связан «начальный этап реформы богослужения и книжности на Руси», относящийся к XIV–XV вв. и связанный с деятельностью пребывавших тогда в Московском княжестве митрополитов Киевских. При этом, в свою очередь, справщики XVII в. ориентировались именно на «собранные по особому указу царя и патриарха древнерусские рукописи» [Кузьминова, 2023].

Очевидно, что рукописи, доступные справщикам, относились в основном как раз к периоду второго южнославянского влияния, так как их было значительно больше, чем домонгольских, и их язык был близок именно московской книжности и идиолекту, ставшим к тому времени основой для общерусских языковых

норм. В числе принципов справщиков, к тому же, была и «ориентация на трактат “О осми частех слова”» [Кузьминова, 2023]: в свою очередь, по наиболее распространенным представлениям, «этот древнейший славянский грамматический текст возник в сер. XIV в. в Сербии», т.е. тоже принадлежит к южнославянской книжности [Кузьминова, 2019]. Таким образом, справщики явно были под влиянием южнославянских текстов, с которыми традиционно и связывается стиль «плетения словес».

Необходимо заметить, что определяющими деятельность «приказных» справщиков стали взгляды архимандрита Троице-Сергиевой лавры преподобного Дионисия Радонежского и работавших с ним его насельников Арсения Глухого и Иоанна Наседки¹, которые начали свою деятельность еще до патриарха Филарета и продолжали ее до Никоновского периода [Кузьминова, 2023].

Именно с Троице-Сергиевой лаврой, что необходимо учесть, были связаны такие заметные представители стиля «плетения словес», как Елифаний Премудрый и Пахомий Логофет (последний был одним из самых влиятельных книжников Руси). Кроме того, согласно произведенной в XIX в. описи, из хранившихся в лавре рукописей было «двенадцатого столетия ркп. 2, тринадцатого 3, четырнадцатого 41, пятнадцатого 156, шестнадцатого 400, семнадцатого 200, осьмнадцатого 21» [Описание ... , 1878–1879] – т.е. большая часть рукописей принадлежала к XV–XVI вв., для которых как раз и характерно южнославянское влияние.

Можно по крайней мере с осторожностью предположить, что благодаря указанным связям справщики были хорошо знакомы с этим составом библиотеки лавры, и он мог оказать влияние не только на их деятельность по исправлению книг, но и, попутно, на их эстетическое отношение к тексту вообще. В результате элементы воспринятого из древнерусских сочинений стиля «плетения словес» проникали в их поэзию.

Для более уверенных заявлений об этом, однако, необходима значительная как текстологическая, так и историко-биографическая исследовательская работа, касающаяся как рукописной традиции лавры и состава ее библиотеки, так и связей конкретных справщиков с лаврой и даже бытования текстов у них на руках.

¹ Между прочим, стихотворца, сближаемого с приказной школой.

Список литературы

Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 608 с.

Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Былинин В.К., Илюшин А.А. (сост.). – Москва : Советская Россия, 1989. – 478 с.

Жиляков С.В. О стиле «плетения словес» в древнерусской литературе XIII века // Хуманитарни Балкански изследвания. – 2019. – Т. 3, № 1 (3). – С. 72–76.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – Москва : [издание К. Солдатенкова], 1871. – 465 с.

Ковтун Л.С. Символика в азбуковниках // Труды Отдела древнерусской литературы. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние. – 1985. – Т. 38. – С. 215–230.

Крошинева М.Е. Стиль в литературе // Вестник УлГТУ. – 2020. – № 4 (92). – С. 7–10.

Кузнецова О.А. Истории о русской средневековой поэзии. – Москва : Издательство Московского университета, 2019. – 168 с.

Кузнецова О.А. К проблеме авторского стиля в русской поэзии XVII века // Текстология и историко-литературный процесс : I Международная конференция молодых исследователей : сб. статей / редакторы Л.А. Новицкас, А.Н. Першкина, П.Ф. Успенский, А.С. Федотов. – Москва : Лидер, 2013. – С. 10–22.

Кузнецова О.А. Русские поэтические школы XVII века (жанровые формы и топика) : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Москва, 2015. – 190 с.

Кузьмина Е.А. Книжная справа // Православная энциклопедия [электронная версия]. – 2019. – 5.05. – Т. 36. – [С. 122–134]. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841566.html> (дата обращения: 19.09.2025).

Кузьмина Е.А. О восьми частях слова // Православная энциклопедия [электронная версия]. – 2023. – 21.04, Т. 52. – [С. 199–201]. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/2578025.html> (дата обращения: 19.09.2025).

Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике : докл. сов. ученых на IV Междунар. съезде славистов. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960. – С. 95–151.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. – Прага : Univ. karlova, 1976a. – 145 с.

Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? : (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси : (Истоки. Становление. Традиции). – Москва : Наука, 1976b. – С. 195–199.

Описание славянских рукописей Библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры : [в 3 ч.]. / Арсений (иером. Троице-Сергиевой лавры), Изд. Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – Москва : Тип. Т. Рись, 1878–1879. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/bibliog/opisanie-slavyanskikh-rukopisej-biblioteki-svjato-troitskoj-sergievoj-lavry/1_1 (дата обращения: 19.09.2025).

Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. – 280 с.

Петрова В.Д. О древнерусском «плетении словес» // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – Вып. 4, ч. 2. – С. 53–61.

Петрова В.Д. О содержании термина «плетение словес» в средневековой славянской книжности // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 6 (2). – С. 314–320.

Попов Д.В. Стиль «плетение словес» в посланиях Ивана Грозного. – Москва : Перо, 2021. – 142 с.